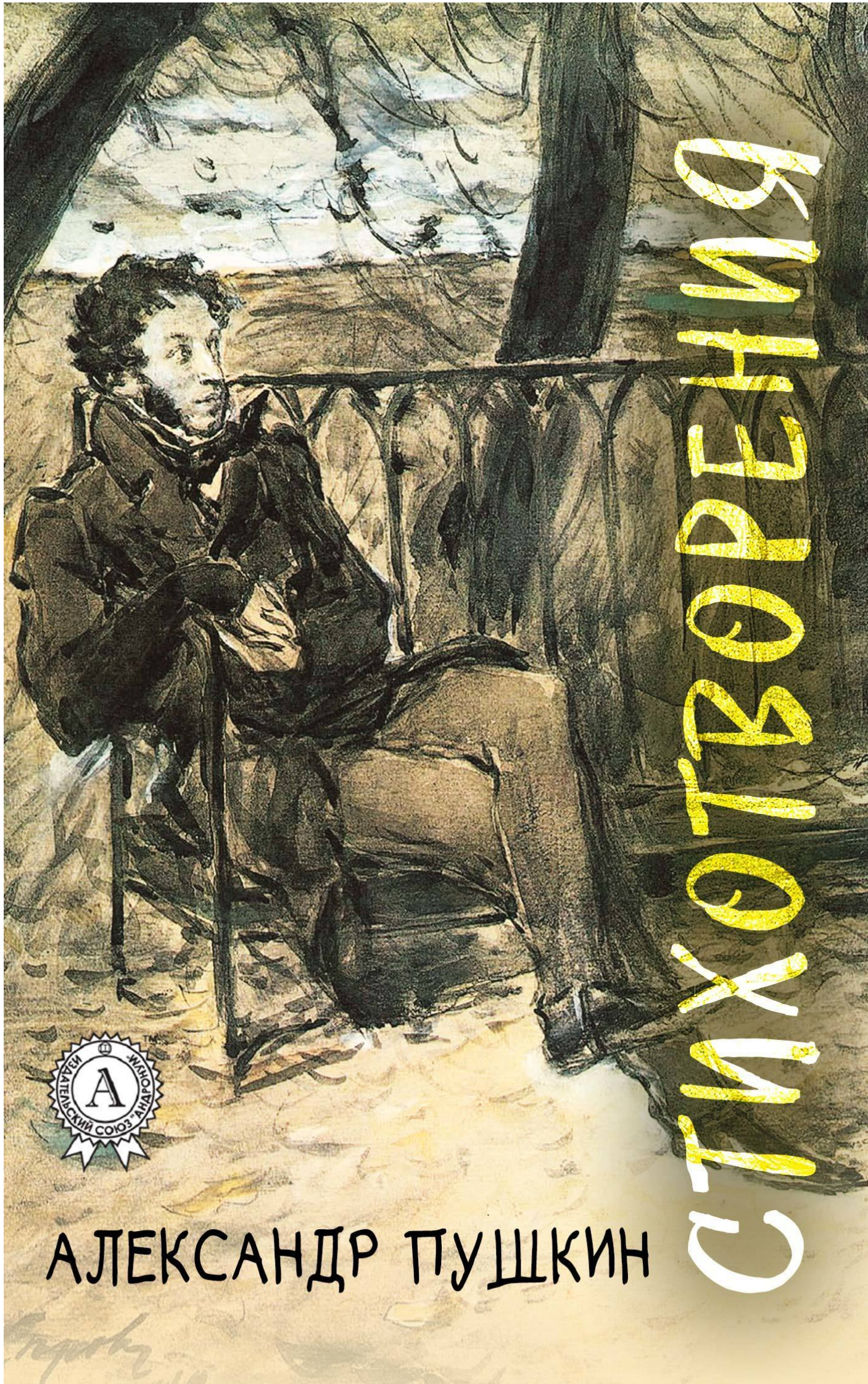

СТМХӨТБӨРӨННЭ

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Александр Пушкин

**Стихотворения (С
иллюстрациями)**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Пушкин А.

Стихотворения (С иллюстрациями) / А. Пушкин —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Стихи Александра Сергеевича Пушкина не нуждаются в представлении. Они — о жизни и любви, о счастье и здоровье, о дружбе и природе. Это поэтические строки, которые не оставляют никого равнодушным, греют сердце, заставляют внимательно всмотреться в окружающую нас жизнь. Иллюстрации Елены Одарич.

© Пушкин А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Стихотворения 1813 г.	5
К Наталье	5
Несчастье клита	8
Стихотворения 1814 г.	9
К другу стихотворцу	9
Кольна	12
Эвлега	16
Осгар	18
Рассудок и любовь	21
К сестре	22
Красавице, которая нюхала табак	25
Эпиграмма	27
Казак	28
Князю А. М. Горчакову	30
Опытность	32
Блаженство	33
Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало	35
К Наташе	36
Пирующие студентам	37
Бова	40
К Батюшкову	47
Эпиграмма	50
К Н. Г. Ломоносову	51
На Рыбушкина	52
Воспоминания в Царском Селе	53
Романс	58
Леда	60
Stances	62
Mon portrait	63
Стихотворения 1815 г.	65
Городок	65
Вода и вино	75
Измены	76
К Лицинию	78
Батюшкову	80
Наполеон на Эльбе (1815)	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Александр Пушкин

Стихотворения

Стихотворения 1813 г.

К Наталье

Pourquoi craindrais-je de le dire?
C'est Margot qui fixe mon goût.¹

Так и мне узнать случилось,
Что за птица Купидон;
Сердце страстное пленилось;
Признаюсь – и я влюблен!
Пролетело счастья время,
Как, любви не зная бремя,
Я живал да попевал,
Как в театре и на балах,
На гуляньях иль в воксалах
Легким зефиром летал;
Как, смеясь во зло Амуру,
Я писал карикатуру
На любезный женской пол;
Но напрасно я смеялся,
Наконец и сам попался,
Сам, увы! с ума сошел.
Смехи, вольность – всё под лавку
Из Катонов я в отставку,
И теперь я – Селадон!
Миловидной жрицы Тальи
Видел прелести Натальи,
И уж в сердце – Купидон!

Так, Наталья! признаюсь,
Я тобою полонен,
В первый раз еще, стыжуся,
В женски прелести влюблен.
Целый день, как ни верчуся
Лишь тобою занят я;
Ночь придет – и лишь тебя
Вижу я в пустом мечтаньи,
Вижу, в легком одеянии

¹ Почему мне бояться сказать это? Марго пленила мой вкус.

Будто милая со мной;
Робко, сладостно дыханье,
Белой груди колебанье,
Снег затмивший белизной,
И полуотверсты очи,
Скромный мрак безмолвной ночи —
Дух в восторг приводят мой!..
Я один в беседке с нею,
Вижу... девственну лилею,
Трепещу, томлюсь, немею...
И проснулся... вижу мрак
Вкруг постели одинокой!
Испускаю вздох глубокой,
Сон ленивый, томноокой
Отлетает на крылах.
Страсть сильнее становится
И, любовью утомясь,
Я слабею всякой час.
Всё к чему-то ум стремится,
А к чему? — никто из нас
Дамам в слух того не скажет,
А уж так и сяк размажет.
Я — по-свойски объяснюсь.

Все любовники желают
И того, чего не знают;
Это свойство их — дивлюсь!
Завернувшись балахоном,
С хватской шапкой на бекрень
Я желал бы Филимоном
Под вечер, как всюду тень,
Взяв Анюты нежну руку,
Изъяснять любовну муку,
Говорить: она моя!
Я желал бы, чтоб Назорой
Ты старалась меня
Удержать умильным взором.
Иль седым Опекуном
Легкой, миленькой Розины,
Старым пасынком судьбины,
В епанче и с париком,
Дерзкой пламенной рукою
Белоснежну, полную грудь...
Я желал бы... да ногою
Моря не перешагнуть.
И, хоть по уши влюбленный,
Но с тобою разлученный,
Всей надежды я лишен.

Но, Наталья! ты не знаешь
Кто твой нежный Селадон,
Ты еще не понимаешь,
Отчего не смеет он
И надеяться? – Наталья!
Выслушай еще меня:

Не владетель я Сераля,
Не арап, не турок я.
За учтивого китайца,
Грубого американца
Почитать меня нельзя,
Не представь и немчурою,
С колпаком на волосах,
С кружкой, пивом налитой,
И с цыгаркою в зубах.
Не представь кавалергарда
В каске, с длинным палашием.
Не люблю я бранный гром:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчат моей руки
За Адамовы грехи.

– Кто же ты, болтун влюбленный?
Взглянь на стены возвышенны,
Где безмолвья вечный мрак;
Взглянь на окна загражденны,
На лампы там зажженны...
Знай, Наталья! – я... монах!

Несчастье клита

Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет,
Противу ямба, хорея злобой ужасною дышет;
Мера простая сия всё портит, по мнению Клита,
Смысл затмевает стихов и жар охлаждает пиита.
Спорить о том я не смею, пусть он безвинных поносит,
Ямб охладил рифмача, гекзаметры ж он заморозит.

Стихотворения 1814 г.

К другу стихотворцу

Арист! и ты в толпе служителей Парнасса!
Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса;
За лаврами спешишь опасною стезей,
И с строгой критикой вступаешь смело в бой!

Арист, поверь ты мне, оставь перо, чернила,
Забудь ручьи, леса, унылые могилы,
В холодных песенках любовью не пылай;
Чтоб не слететь с горы, скорее вниз ступай!
Довольно без тебя поэтов есть и будет;
Их напечатают – и целый свет забудет.
Быть может и теперь, от шума удалясь
И с глупой музою навек соединясь,
Под сенью мирною Минервиной эгиды²

Сокрыт другой отец второй «Телемахиды»³.
Страшися участи бессмысленных певцов,
Нас убивающих громадою стихов!
Потомков поздних дань поэтам справедлива;
На Пинде лавры есть, но есть там и крапива.
Страшися бесславия! – Что, естли Аполлон,
Услышав, что и ты полез на Геликон,
С презреньем покачав кудрявой головою,
Твой гений наградит – спасительной лозою?

Но что? ты хмуришься и отвечать готов;
«Пожалуй, – скажешь мне, – не трать излишних слов;
Когда на что решусь, уж я не отступаю,
И знай, мой жребий пал, я лиру избираю.
Пусть судит обо мне, как хочет, целый свет,
Сердись, кричи, бранись, – а я таки поэт».

Арист, не тот поэт, кто рифмы плесть умеет
И, перьями скрывя, бумаги не жалеет.
Хорошие стихи не так легко писать,
Как Витгенштейну⁴ французов побеждать.

² Т. е. в школе.

³ Отец... «Телемахиды» – Василий Кириллович Тредиаковский, стихотворные произведения которого, в особенности поэма «Телемахиды», написаны тяжеловесным слогом; современниками Пушкина они расценивались как образцы бездарности.

⁴ Витгенштейн Петр Христианович – русский генерал, не допустивший в начале Отечественной войны 1812 г.

Меж тем как Дмитриев, Державин, Ломоносов.
Певцы бессмертные, и честь, и слава россов,
Питают здравый ум и вместе учат нас,
Сколь много гибнет книг, на свет едва родясь!
Творенья громкие Рифматова, Графова⁵
С тяжелым Бибрусом гниют у Глазунова⁶;
Никто не вспомнит их, не станет вздор читать,
И Фебова на них проклятия печать.

Положим, что, на Пинд взобравшись счастливо,
Поэтом можешь ты назваться справедливо:
Все с удовольствием тогда тебя прочтут.
Но мнишь ли, что к тебе рекой уже текут
За то, что ты поэт, несметные богатства,
Что ты уже берешь на откуп государства,
В железных сундуках червонцы хоронишь
И, лежа на боку, покойно ешь и спишь?
Не так, любезный друг, писатели богаты;
Судьбой им не даны ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки:
Лачужка под землей, высоки чердаки —
Вот пышны их дворцы, великолепны залы.
Поэтов — хвалят все, питают — лишь журналы;
Катится мимо их Фортуны колесо;
Родился наг и наг ступает в гроб Руссо;
Камюэнс с нищими постелю разделяет;
Костров на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он:
Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон.

Ты, кажется, теперь задумался немного.
«Да что же, — говоришь, — судя о всех так строго,
Перебирая всё, как новый Ювенал⁷,
Ты о поэзии со мною толковал;
А сам, поссорившись с Парнасскими сестрами,
Мне проповедовать пришел сюда стихами?
Что сделалось с тобой? В уме ли ты, иль нет?»
Арист, без дальних слов, вот мой тебе ответ:

В деревне, помнится, с мирянами простыми,
Священник пожилой и с кудрями седыми,
В миру с соседями, в чести, довольстве жил

французские войска к Петербургу; его называли «защитником Петрова града».

⁵ Под именами *Рифматова*, *Графова* и *Бибруса* — подразумеваются Сергей Александрович Ширинский-Шихматов (1783—1837), граф Дмитрий Иванович Хвостов (1757—1835) и Семен Сергеевич Бобров (1767—1810); приверженцы старины, они были постоянной мишенью для эпиграмм представителей нового литературного течения, объединившихся в обществе «Арзамас».

⁶ *Глазунов* Иван Петрович — петербургский издатель и книгопродавец.

⁷ *Ювенал* — римский поэт-сатирик (I в.).

И первым мудрецом у всех издавна слыл.
Однажды, осушив бутылки и стаканы,
Со свадьбы, под вечер, он шел немного пьяный;
Попалися ему навстречу мужики.
«Послушай, батюшка, – сказали простяки, —
Настави грешных нас – ты пить ведь запрещаешь
Быть трезвым всякому всегда повелеваешь,
И верим мы тебе; да что ж сегодня сам...»
– «Послушайте, – сказал священник мужикам, —
Как в церкви вас учу, так вы и поступайте,
Живите хорошо, а мне – не подражайте».

И мне то самое пришлось отвечать;
Я не хочу себя нисколько оправдать:
Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты,
Проводит тихой век без горя, без заботы,
Своими одами журналы не тягчит,
И над экспромптами недели не сидит!
Не любит он гулять по высотам Парнасса,
Не ищет чистых муз, ни пылкого Пегаса,
Его с пером в руке Рамаков⁸ не страшит;
Спокоен, весел он, Арист, он – не пиит.

Но полно рассуждать – боюсь тебе наскучить
И сатирическим пером тебя замучить.
Теперь, любезный друг, я дал тебе совет,
Оставишь ли свирель, умолкнешь, или нет?..
Подумай обо всем и выбери любое:
Быть славным – хорошо, спокойным – лучше вдвое.

⁸ *Рамаков* – имеется в виду Макаров Петр Иванович (1765—1804), критик, последователь Карамзина, противник А. С. Шишкова.

Кольна (Подражание Оссёану⁹)

(Фингал послал Тоскара воздвигнуть на берегах источника Кроны памятник победы, одержанной им некогда на сем месте. Между тем как он занимался сим трудом, Карул, соседственный государь, пригласил его к пиршеству; Тоскар влюбился в дочь его Кольну; нечаянный случай открыл взаимные их чувства и осчастливил Тоскара).

Источник быстрый Каломоны,
Бегущий к дальним берегам,
Я зрю, твои взмущенны волны
Потоком мутным по скалам
При блеске звезд ночных сверкают
Сквозь дремлющий, пустынный лес,
Шумят и корни орошают
Сплетенных в темный кров древес.
Твой мшистый брег любила Кольна,
Когда по небу тень лилась:
Ты зрел, когда, в любви невольна,
Здесь другу Кольна отдалась.

В чертогах Сельмы царь могущих
Тоскару юному вещал:
«Гряди во мрак лесов дремучих,
Где Крона катит черный вал,
Шумящей прохлажден осиной. —
Там ряд является могил:
Там с верной, храброю дружиной
Полки врагов я расточил.
И много, много сильных пало:
Их гробы черный вран стрежет.
Гряди — и там, где их не стало,
Воздвигни памятник побед!»
Он рек, и в путь безвестный, дальный

Пустился с бардами Тоскар,
Идет во мгле ночи печальной,
В вечерний хлад, в полдневный жар. —
Денница красная выводит
Златое утро в небеса,
И вот уже Тоскар подходит
К местам, где в темные леса

⁹ *Оссиан* — легендарный шотландский поэт, творчество которого относили к III в. Изданные в 1762—1765 гг. под его именем произведения оказались записью народных песен и преданий, сделанной шотландским поэтом XVIII в. Макферсоном, или стилизованными произведениями самого Макферсона. Пушкин поддался всеобщему увлечению Оссианом, пережитому европейскими и русскими поэтами в конце XVIII — начале XIX в.

Бежит седой источник Кроны
И кроется в долины сонны. —
Воспели барды гимн святой;
Тоскар обломок гор кремнистых
Усильно мощною рукой
Влечет из бездны волн серебристых,
И с шумом на высокой брег
В густой и дикой злак поверг;
На нем повесил черны латы,
Покрытый кровью предков меч,
И круглый щит, и шлем пернатый,
И обратил он к камню речь:

«Вещай, сын шумного потока,
О храбрых поздним временам!
Да в страшный час, как ночь глубока
В туманах ляжет по лесам,
Пришлец, дорогой утомленный,
Возлегши под надежный кров,
Вспомнит веки отдаленны
В мечтаньи сладком легких снов!
С рассветом алая денницы,
Лучами солнца пробужден,
Он узрит мрачные гробницы...
И грозным видом поражен,
Вопросит сын иноплеменный:
«Кто памятник воздвиг надменный
И старец, летами согбен,
Речет: «Тоскар наш незабвенный,
Герой умчавшихся времен!»»

Небес сокрылся вечный житель,
Заря потухла в небесах;
Луна в воздушную обитель
Спешит на темных облаках;
Уж ночь на холме — берег Кроны
С окрестной рощею заснул:
Владыко сильный Каломоны,
Иноплеменных друг, Карул
Призвал Морвенского героя
В жилище Кольны молодой
Вкусить приятности покоя
И пить из чаши круговой.

.....
.....

Близь пепелища все воссели;
Веселья барды песнь воспели.

И в пене кубок золотой
Крутом несется чередой. —
Печален лишь пришелец Лоры,
Главу ко груди преклонил:
Задумчиво он страстны взоры
На нежну Кольну устремил —
И тяжело грудь его вздыхает,
В очах веселья блеск потух,
То огонь по членам пробегает,
То негою томится дух;
Тоскует, втайне ощущая
Волненье сильное в крови
На юны прелести взирая,
Он полную чашу пьет любви.

Но вот уж дуб престал дымиться,
И тень мрачнее становится,
Чернеет тусклый небосклон,
И царствует в чертогах сон.

.....
.....

Редает ночь – заря багряна
Лучами солнца возжена;
Пред ней златится твердь румяна:
Тоскар покинул ложе сна;
Быстротекущей Каломоны
Идет по влажным берегам,
Спешит узреть долины Кроны
И внемлет плещущим волнам.
И вдруг из сени темной рощи,
Как в час весенней полунощи
Из облак месяц золотой,
Выходит ратник молодой. —
Меч острый на бедре сияет,
Копье десницу вооружает:
Надвинут на чело шолом,
И гибкой стан покрыт щитом:
Зарею латы серебруются
Сквозь утренний в долине пар.

«О юный ратник! – рек Тоскар, —
С каким врагом тебе сражаться?
Ужель и в сей стране война
Багрят ручьев струисты волны?
Но всё спокойно – тишина
Окрест жилища нежной Кольны».
«Спокойны дебри Каломоны,

Цветет отчизны край златой;
Но Кольна там не обитает,
И ныне по стезе глухой
Пустыню с милым протекает,
Пленившим сердце красотой».
«Что рек ты мне, молодой воитель?
Куда сокрылся похититель?
Подай мне щит твой!» – И Тоскар
Приемлет щит, пылая мщеньем.
Но вдруг исчез геройства жар;
Что зрит он с сладким восхищеньем?
Не в силах в страсти воздохнуть,
Пылая вдруг восторгом новым...
Лилейна обнажилась грудь,
Под грозным дышуща покровом...
– «Ты ль это?...» – возопил герой,
И трепетно рукой дрожащей
С главы снимает шлем блестящий —
И Кольну видит пред собой.

Эвлега

Вдали ты зришь утес уединенный;
Пещеры в нем изрылась глубина:
Темнеет вход, кустами окруженный,
Вблизи шумит и пенится волна.
Вечор, когда туманилась луна,
Здесь милого Эвлега призывала;
Здесь тихий глас горам передавала
Во тьме ночной печальна и одна:

«Приди, Одульф, уж роща побледнела.
На дикой мох Одульфа ждать я села,
Пылает грудь, за вздохом вздох летит.
О! сладко жить, мой друг, душа с душою.
Приди, Одульф, забудусь я с тобою,
И поцелуй любовью возгорит.

Беги, Осгар, твои мне страшны взоры,
Твой грозен вид, и хладны разговоры.
Оставь меня, не мною торжествуй!
Уже другой в ночи со мною дремлет,
Уж на заре другой меня объемлет,
И сладостен его мне поцелуй.

Что ж медлит он свершить мои надежды?
Для милого я сбросила одежды!
Завистливый покров у ног лежит.
Но чу!.. идут – так! это друг мой нежный.
Уж начались восторги страсти нежной,
И поцелуй любовью возгорит».

Идет Одульф; во взорах – упоенье,
В груди – любовь, и прочь бежит печаль;
Но близ его во тьме сверкнула сталь,
И вздрогнул он – родилось подозренье:
«Кто ты? – спросил, – почто ты здесь? Вещай,
Ответствуй мне, о сын угрюмой ночи!»

«Бессильный враг! Осгара убегай!
В пустынной тьме что ищут робки очи?
Страшись меня, я страстью воспален:
В пещере здесь Эйлега ждет Осгара!»
Булатный меч в минуту обнажен,
Огонь летит струями от удара...

Услышала Эвлега стук мечей

И бросила со страхом хлад пещерный.
«Приди узреть предмет любви твоей! —
Вскричал Одульф подруге нежной, верной. —
Изменница! ты здесь его зовешь?
Во тьме ночной вас услаждает нега,
Но дерзкого в Валгалле ты найдешь!»

Он поднял меч... и с трепетом Эвлега
Падет на дерн, как клоч летучий снега,
Мятелицей отторженный со скал!
Друг на друга соперники стремятся,
Кровавый ток по камням побежал:
В кустарники с отчаяньем катятся.
Последний глас Эвлегу призывал,
И смерти хлад их ярость оковал.

Осгар

По камням гробовым, в туманах полуночи,
Ступая трепетно усталою ногой,
По Лоре путник шел, напрасно томны очи
Ночлега мирного искали в тьме густой.
Пещеры нет пред ним, на берегу угрюмом
Не видит хижины, наследья рыбака;
В дали дремучий бор качают ветры с шумом,
Луна за тучами, и в море спит заря.

Идет, и на скале, обросшей влажным мохом,
Зрит барда старого – веселье прошлых лет:
Склонясь седым челом над воющим потоком,
В безмолвии времен он созерцал полет.
Зубчатый меч висел на ветви мрачной ивы.
Задумчивый певец взор тихий обратил
На сына чуждых стран, и путник боязливый
Содрогся в ужасе и мимо поспешил.

«Стой, путник! стой! – вещал певец веков минувших: —
Здесь пали храбрые, почти их бранный прах!
Почти геройства чад, могилы сном уснувших!»
Пришлец главой поник – и, мнилось, на холмах
Восставший ряд теней главы окровавленны
С улыбкой гордою на странника склонял.
«Чей гроб я вижу там?» – вещал иноплеменный
И барду посохом на берег указал.

Колчан и шлем стальной, к утесу пригвожденный,
Бросали тусклый луч, луною озлатясь.
«Увы! здесь пал Осгар! – рек старец вдохновенный, —
О! рано юноше настал последний час!
Но он искал его: я зрел, как в ратном строе
Он первые стрелы с весельем ожидал
И рвался из рядов, и пал в кипящем бое:
Покойся, юноша! ты в брани славной пал.

Во цвете нежных лет любил Осгар Мальвину,
Не раз он в радости с подругою встречал
Вечерний свет луны, скользящий на долину,
И тень, упавшую с приморских грозных скал.
Казалось, их сердца друг к другу пламенели;
Одной, одной Осгар Мальвиною дышал;
Но быстро дни любви и счастья пролетели,
И вечер горести для юноши настал.

Однажды, в темну ночь зимы порой унылой,
Осгар стучится в дверь красавицы молодой
И шепчет: «Юный друг! не медли, здесь твой милый!»
Но тихо в хижине. Вновь робкою рукой
Стучит и слушает: лишь ветры с свистом веют.
«Ужели спишь теперь, Мальвина? – мгла вокруг,
Валится снег, власы в тумане леденеют.
Услышь, услышь меня, Мальвина, милый друг!»

Он в третий раз стучит, со скрипом дверь шатнулась.
Он входит с трепетом. Несчастный! что ж узрел?
Темнеет взор его, Мальвина содрогнулась,
Он зрит – в объятиях изменницы Звигнел!
И ярость дикая во взорах закипела:
Немеет и дрожит любовник молодой.
Он грозный меч извлек, и нет уже Звигнела,
И бледный дух его сокрылся в тьме ночной!

Мальвина обняла несчастного колена,
Но взоры отвратив: «Живи! – вещал Осгар, —
Живи, уж я не твой, презренна мной измена,
Забуду, потушу к неверной страсти жар».
И тихо за порог выходит он в молчанье,
Окован мрачною, безмолвною тоской —
Исчезло сладкое навек очарованье!
Он в мире одинок, уж нет души родной.

Я видел юношу: поникнув головою,
Мальвины имя он в отчаяньи шептал;
Как сумрак, дремлющий над бездною морскою,
На сердце горестном унынья мрак лежал.
На друга детских лет взглянул он торопливо;
Уже недвижный взор друзей не узнавал;
От пиршеств удален, в пустыне молчаливой
Он одиночеством печаль свою питал.

И длинный год провел Осгар среди мучений.
Вдруг грянул трубный глас! Оденов сын, Фингал,
Вел грозных на мечи, в кровавый пыл сражений.
Осгар слышал весть и бранью воспылал.
Здесь меч его сверкнул, и смерть пред ним бежала;
Покрытый ранами, здесь пал на грудь тел.
Он пал – еще рука меча кругом искала,
И крепкий сон веков на сильного слетел.

Побегли вспять враги – и тихий мир герою!
И тихо все вокруг могильного холма!
Лишь в осень хладную, безмесячной порою,
Когда вершины гор тягчит сырая тьма,

В багровом облаке, одеяна туманом,
Над камнем гробовым уныла тень сидит,
И стрелы дребезжат, стучит броня с колчаном,
И клен, зашевеливсь, таинственно шумит».

Рассудок и любовь

Младой Дафнис, гоняясь за Доридой,
«Постой, – кричал, – прелестная! постой,
Скажи: «Люблю» – и бегать за тобой
Не стану я – клянуся в том Кипридой!»
«Молчи, молчи!» – Рассудок говорил,
А плут Эрот: «Скажи: «ты сердцу мил!»

«Ты сердцу мил!» – пастушка повторила,
И их сердца огнем любви зажглись,
И пал к ногам красавицы Дафнис,
И страстный взор Дорида потупила.
«Беги, беги!» – Рассудок ей твердил,
А плут Эрот: «Останься!» – говорил.

Осталась – и трепетной рукою
Взял руку ей счастливый пастушок.
«Взгляни, – сказал, – с подругой голубок
Там обнялись под тенью лип густою!»
«Беги! беги!» – Рассудок повторил,
«Учись от них!» – Эрот ей говорил.

И нежная улыбка пробежала
Красавицы на пламенных устах
И вот она с томлением в глазах
К любезному в объятия упала...
«Будь счастлива!» – Эрот ей прошептал.
Рассудок что ж? Рассудок уж молчал.

К сестре

Ты хочешь, друг бесценный,
Чтоб я, поэт молодой,
Беседовал с тобой
И с лирою забвенной,
Мечтами окриленный,
Оставил монастырь
И край уединенный,
Где непрерывный мир
Во мраке опустился
И в пустыни глухой
Безмолвно воцарился
С угрюмой тишиной.¹⁰

.....

И быстрою стрелой
На невской брег примчуся
С подругой обнимуся
Весны моей златой,
И, как певец Людмилы¹¹,
Мечты невольник милый,
Взошел под отчий кров,
Несу тебе не злато
(Чернец я небогатый),
В подарок пук стихов¹².

Тайком взошел в диванну,
Хоть помощью пера,
О, как тебя застану,
Любезная сестра?
Чем сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жан-Жака¹³ ли читаешь,
Жанлиса¹⁴ ль пред тобой?
Иль с резвым Гамильтоном¹⁵
Смеешься всей душой?

¹⁰ После этого стиха нескольких стихов не сохранилось.

¹¹ Певец Людмилы – Жуковский, автор баллады «Людмила».

¹² В подарок пук стихов – цитата из послания Жуковского «К Батюшкову».

¹³ Жан-Жак – Руссо.

¹⁴ Жанлиса – Жанлис (1746—1830), французская писательница, автор сентиментальных нравоучительных повестей для детей.

¹⁵ Гамильтон Антуан (1646—1720) – французский писатель, автор «восточных» сказок.

Иль с Греем¹⁶ и Томсоном¹⁷
Ты пренеслась мечтой
В поля, где от дубравы
В дол веет ветерок,
И шепчет лес кудрявый,
И мчится величавый
С вершины гор поток?
Иль моську престарелу,
В подушках поседелу,
Окутав в длинну шаль
И с нежностью лелея,
Ты к ней зовешь Морфея?
Иль смотришь в темну даль
Задумчивой Светланой
Над шумною Невой?
Иль звучным фортепьяно
Под беглою рукой
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь?
Пиччини и Рамо?

Но вот уж я с тобою,
И в радости немой
Твой друг расцвел душою,
Как ясный вешний день.
Забыты дни разлуки,
Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тень.

Но это лишь мечтанье!
Увы, в монастыре,
При бледном свеч сиянье,
Один пишу к сестре.
Все тихо в мрачной кельи:
Защелка на дверях,
Молчанье, враг веселий,
И скука на часах!
Стул ветхой, необитый,
И шаткая постель,
Сосуд, водой налитый,
Соломенна свирель —
Вот все, что пред собою
Я вижу, пробужден.
Фантазия, тобою
Одной я награжден,

¹⁶ Грей Томас (1716—1771) — английский поэт, автор элегий. Автор «Элегии, написанной на сельском кладбище» («Elegy Written in a Country Churchyard»).

¹⁷ Томсон Джеймс (1700—1748) — английский поэт, автор поэмы «Времена года», в которой любовь к природе противопоставляется городской жизни.

Тобою пренесенный
К волшебной Иппокрене,
И в келье я блажен.

Что было бы со мною,
Богиня, без тебя?
Знакомый с суетою,
Приятной для меня,
Увлечен в даль судьбою,
Я вдруг в глухих стенах,
Как Леты на брегах,
Явился заключенным,
На веки погребенным,
И скрипнули врата,
Сомкнувшись за мною,
И мира красота
Оделась черной мглою!..
С тех пор гляжу на свет,
Как узник из темницы
На яркий блеск денницы.
Светило ль дня взойдет,
Луч кинув позлащенный
Сквозь узкое окно,
Но сердце помраченно
Не радуется оно.
Иль позднею порою,
Как луч на небесах,
Покрытых чернотою,
Темнеет в облаках, —
С унынием встречаю
Я сумрачную тень
И с вздохом провожаю
Скрывающийся день!..
Сквозь слез смотрю в решетки,
Перебирая четки.

Но время протечет,
И с каменных ворот
Падут, падут затворы,
И в пышный Петроград
Через долины, горы
Ретивые примчат;
Спеша на новоселье,
Оставлю темну келью,
Поля, сады свои;
Под стол клобук с веригой —
И прилечу расстригой
В объятия твои.

Красавице, которая нюхала табак

Возможно ль? вместо роз, Амуром насажденных,
Тюльпанов гордо наклоненных,
Душистых ландышей, яминов и лилей,
Которых ты всегда любила
И прежде всякой день носила
На мраморной груди твоей —
Возможно ль, милая Климена,
Какая странная во вкусе перемена!..
Ты любишь обонять не утренний цветок,
А вредную траву зелену,
Искусством превращенну
В пушистый порошок! —
Пускай уже седой профессор Геттингена,
На старой кафедре согнувшись дугой,
Вперив в латинщину глубокой разум свой,
Раскашлявшись, табак толченый
Пихает в длинный нос иссохшею рукой;
Пускай молодой драгун усатый
Поутру, сидя у окна,
С остатком утреннего сна,
Из трубки пенковой дым гонит сероватый;
Пускай красавица шестидесяти лет,
У Граций в отпуску, и у любви в отставке,
Которой держится вся прелесть на подставке,
Которой без морщин на теле места нет,
Злословит, молится, зевает
И с верным табаком печали забывает, —
А ты, прелестная!.. но если уж табак
Так нравится тебе — о пыл воображенья! —
Ах! если, превращенный в прах,
И в табакерке, в заточеньи,
Я в персты нежные твои попасться мог,
Тогда б в сердечном восхищеньи
Рассыпался на грудь под шелковый платок
И даже... может быть... Но что! мечта пустая.
Не будет этого никак.
Судьба завистливая, злая!
Ах, отчего я не табак!..

Эпиграмма

Арист нам обещал трагедию такую,
Что все от жалости в театре заревут,
Что слезы зрителей рекою потекут.
Мы ждали драму золотую.
И что же? дождались – и, нечего сказать,
Достоинству ее нельзя убавить весу,
Ну, право, удалось Аристу написать
Прежалкую пиесу.

Казак

Раз, полунощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой казак.

Черна шапка на бекрене,
Весь жупан в пыли.
Пистолеты при колене,
Сабля до земли.

Верный конь, узды не чуя,
Шагом выступал;
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вот пред ним две, три избышки, —
Выломан забор;
Здесь – дорога к деревушке,
Там – в дремучий бор.

«Не найду в лесу девицы, —
Думал хват Денис: —
Уж красавицы в светлицы
На ночь убрались».

Шевельнул Донец уздою,
Шпорой прикольнул,
И помчался конь стрелою,
К избам завернул.

В облаках луна сребрила
Дальни небеса;
Под окном сидит уныла
Девушка-краса.

Храбрый видит красну деву;
Сердце бьется в нем,
Конь тихонько к леву, к леву —
Вот уж под окном.

«Ночь становится темнее,
Скрылася луна.
Выдь, коханочка, скорее,
Напои коня».

«Нет! к мужчине молодому
Страшно подойти,
Страшно выдти мне из дому,
Коню дать воды».

«Ах! небось, девица красна,
С милым подружись!»
«Ночь красавицам опасна».
«Радость! не страшись!

Верь, коханочка, пустое;
Ложный страх отбрось!
Тратишь время золотое;
Милая, небось!

Сядь на борзого, с тобою
В дальний еду край;
Будешь счастлива со мною:
С другом всюду рай».

Что же девица? Склонилась,
Победила страх,
Робко ехать согласилась.
Счастлив стал казак.

Поскакали, полетели.
Дружку друг любил;
Был ей верен две недели,
В третью изменил.

Князю А. М. Горчакову

Пускай, не знаясь с Аполлоном,
Поэт, придворный философ,
Вельможе знатному с поклоном
Подносит оду в двести строф;
Но я, любезный Горчаков,
Не просыпаюсь с петухами,
И напыщенными стихами,
Набором громозвучных слов,
Я петь пустого не умею
Высоко, тонко и хитро,
И в лиру превращать не смею
Мое – гусиное перо!
Нет, нет, любезный князь, не оду
Тебе намерен посвятить;
Что прибыли соваться в воду,
Сначала не спросившись броду,
И в след Державину парить?
Пишу своим я складом ныне
Кой-как стихи на именины.

Что должен я, скажи, в сей час
Желать от чиста сердца другу?
Глубоку ль старость, милый князь,
Детей, любезную супругу,
Или богатства, громких дней,
Крестов, алмазных звезд, честей?
Не пожелать ли, чтобы славой
Ты увлечен был в путь кровавый,
Чтоб в лаврах и венцах сиял,
Чтоб в битвах гром из рук метал,
И чтоб победа за тобою,
Как древле Невскому герою¹⁸,
Всегда, везде летела вслед?
Не сладострастия поэт
Такою песенкой поздравит,
Он лучше муз навек оставит!
Дай бог любви, чтоб ты свой век
Питомцем нежным Эпикура
Провел меж Вакха и Амура!
А там – когда Стигийской брег
Мелькнет в туманном отдалении,
Дай бог, чтоб в страстном упоении,
Ты с томной сладостью в очах,

¹⁸ Невский герой – Александр Невский.

Из рук молодого Купидона
Вступая в мрачный чолн Харона,
Уснул... Ершовой¹⁹ на грудях!

¹⁹ *Ершова* Евдокия Семеновна – молодая жена генерала Ершова, навещавшая кого-то из лицеистов летом 1814 г.

Опытность

Кто с минуту переможет
Хладным разумом любовь,
Бремя тягостных оков
Ей на крылья не возложит.
Пусть не смейся, не резвись,
С строгой мудростью дружись;
Но с рассудком вновь заступишь,
Хоть не рад, но дверь отворишь,
Как проказливый Эрот
Постучится у ворот.

Испытал я сам собою
Истину сих правых слов.
«Добрый путь! прости, любовь!
За богинею слепою,
Не за Хлоей, полечу,
Счастье, счастье ухвачу!» —
Мнил я в гордости безумной.
Вдруг услышал хохот шумный,
Оглянулся... и Эрот
Постучался у ворот.

Нет! мне, видно, не придется
С богом сим в размолвке жить,
И покамест жизни нить
Старой Паркой там прядется,
Пусть владеет мною он!
Веселиться – мой закон.
Смерть откроет гроб ужасный,
Потемнеют взоры ясны,
И не стукнется Эрот
У могильных уж ворот!

Блаженство

В роще сумрачной, тенистой,
Где, журча в траве душистой,
Светлый бродит ручеек,
Ночью на простой свирели
Пел влюбленный пастушок;
Томный гул унылы трели
Повторял в глуши долин...

Вдруг из глубины пещеры
Чтитель Вакха и Венеры,
Резвых Фавнов господин,
Выбежал Эрмиев сын.
Розами рога обвиты,
Плющ на черных волосах,
Козий мех, вином налитый,
У Сатира на плечах.
Бог лесов, в дугу склонившись
Над искривленной клюкой,
За кустами притаившись,
Слушал песенки ночной,
В лад качая головой. —

«Дни, протекшие в весельи!
(Пел в тоске пастух молодой)
Отчего, являсь мечтой,
Вы, как тень, от глаз исчезли
И покрылись вечной тьмой?

Ах! когда во мраке ночи,
При таинственной луне,
В темну сень прохладной рощи,
Сладко спящей в тишине,
Медленно, рука с рукою,
С нежной Хлоей приходил,
Кто сравниться мог со мною?
Хлое был тогда я мил!

А теперь мне жизнь — могила,
Белый свет душе постыл.
Грустен лес, поток уныл...»
Хлоя — другу изменила!..
Я для милой... уж не мил!..»

Звук исчез свирели тихой;
Смолк певец — и тишина

Воцарилась в роще дикой;
Слышно, плещет лишь волна,
И колышет повиликой
Тихо-веющий зефир...
Древ оставя сень густую
Вдруг является Сатир.
Чашу дружбы круговую
Пенистым сребря вином,
Рек с ослабленным лицом:
«Ты уныл, ты сердцем мрачен;
Посмотри ж, как сок прозрачен
Блещет, осветясь луной!
Выпей чашу – и душой
Будешь так же чист и ясен.
Верь мне: – стон в бедах напрасен.
Лучше, лучше веселись,
В горе с Бахусом дружись!»
И пастух, взяв чашу в руки,
Скоро выпил всё до дна.
О могущество вина!
Вдруг сокрылись скорби, муки,
Мрак душевный вмиг исчез!
Лишь фиял к устам поднес,
Всё мгновенно пременилось,
Вся природа оживилась,
Счастлив юноша в мечтах!
Выпив чашу золотую,
Наливает он другую;
Пьет уж третью... но в глазах
Вид окрестный потемнился —
И несчастный... утомился.
Томну голову склоня,
«Научи, Сатир, меня, —
Говорит пастух со вздохом, —
Как могу бороться с роком?
Как могу счастливым быть?
Я не в силах вечно пить».
– «Слушай, юноша любезный,
Вот тебе совет полезный:
Миг блаженства *век* лови;
Помни дружбы наставленья:
Без вина здесь нет веселья,
Нет и счастья без любви;
Так поди ж теперь с похмелья
С Купидоном помирись;
Позабудь его обиды
И в объятиях Дориды
Снова счастьем насладись!»

Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало

Вот зеркало мое – прими его, Киприда!
Богиня красоты прекрасна будет век,
Седого времени не страшна ей обида:
Она – не смертный человек;
Но я, покорствуя судьбине,
Не в силах зреть себя в прозрачности стекла
Ни той, которой я была,
Ни той, которой ныне.

К Наташе

Вянет, вянет лето красно;
Улетают ясны дни;
Стелется туман ненастный
Ночи в дремлющей тени;
Опустели злачны нивы,
Хладен ручеек игривый;
Лес кудрявый поседел;
Свод небесный побледнел.

Свет-Наташа! где ты ныне?
Что никто тебя не зрит?
Иль не хочешь час единый
С другом сердца разделить?
Ни над озером волнистым,
Ни под кровом лип душистым
Ранней – позднею порой
Не встречаюсь я с тобой.

Скоро, скоро холод зимный
Рощу, поле посетит;
Огонек в лачужке дымной
Скоро ярко заблестит;
Не увижу я прелестной
И, как чижик в клетке тесной,
Дома буду горевать
И Наташу вспоминать.

Пирующие студентам

Друзья! досужный час настал;
Все тихо, всё в покое;
Скорее скатерть и бокал!
Сюда вино златое!
Шипи, шампанское, в стекле.
Друзья! почто же с Кантон
Сенека, Тацит на столе,
Фольянт над фолиантом?
Под стол холодных мудрецов,
Мы полем овладеем;
Под стол ученых дураков!
Без них мы пить умеем.

Ужели трезвого найдем
За скатертью студента?
На всякой случай изберем
Скорее президента.
В награду пьяным – он нальет
И пунш, и грог душистый,
А вам, спартанцы, поднесет
Воды в стакане чистой!
Апостол неги и прохлад,
Мой добрый Галич, vale!²⁰

Ты Эпикуров младший брат,
Душа твоя в бокале.
Главу венками убери,
Будь нашим президентом,
И станут самые цари
Завидовать студентам.

Дай руку, Дельвиг! что ты спишь?
Проснись, ленивец сонный
Ты не под кафедрой сидишь,
Латынью усыпленный.
Взгляни: здесь круг твоих друзей;
Бутыль вином налита,
За здоровье нашей Музы пей,
Парнасской волокита.
Остряк любезный²¹, по рукам!
Полней бокал досуга!
И вылей сотню эпиграмм

²⁰ Vale! – Будь здоров! (лат.)

²¹ Остряк любезный – Алексей Демьянович Илличевский.

На недруга и друга.

А ты, красавец молодой²²,
Сиятельный повеса!
Ты будешь Вакха жрец лихой,
На прочее – завеса!
Хотя студент, хотя я пьян.
Но скромность почитаю;
Придвинь же пенистый стакан,
На брань благословляю.

Товарищ милый, друг прямой,
Тряхнем рукою руку,
Оставим в чаше круговой
Педантам сродну скуку:
Не в первый раз мы вместе пьем,
Нередко и бранимся,
Но чашу дружества нальем —
И тотчас помиримся. —

А ты, который с детских лет
Одним весельем дышешь,
Забавный, право, ты поэт.
Хоть плохо басни пишешь;
С тобой тасуюсь без чинов,
Люблю тебя душою,
Наполни кружку до краев, —
Рассудок! бог с тобою!

А ты, повеса из повес²³,
На шалости рожденный,
Удалый хват, головорез,
Приятель задушевный,
Бутылки, рюмки разобьем
За здравие Платова,
В козачью шапку пунш нальем —
И пить давайте снова!..

Приблизься, милый наш певец,
Любимый Аполлоном!
Воспой властителя сердец
Гитары тихим звоном.
Как сладостно в стесненну грудь
Томленье звуков льется!..
Но мне ли страстью воздохнуть?
Нет! пьяный лишь смеется!

²² *Красавец молодой* – кн. Александр Михайлович Горчаков.

²³ *Повеса из повес* – Иван Васильевич Малиновский, сын первого директора лицея.

Не лучше ль, Роде записной,
В честь Вакховой станицы
Теперь скрипеть тебе струной
Расстроенной скрипицы?
Запойте хором, господа,
Нет нужды, что нескладно;
Охрипли? – это не беда:
Для пьяных всё ведь ладно!

Но что?... я вижу всё вдвоем:
Двоится штоф с араком;
Вся комната пошла кругом;
Покрылись очи мраком...
Где вы, товарищи? где я?
Скажите, Вакха ради...
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради...
Писатель за свои грехи!
Ты с виду всех трезвее;
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее²⁴.

²⁴ В последних двух стихах высмеивается Кюхельбекер, неизменная жертва лицейских эпиграмм.

Бова (Отрывок из поэмы)

Часто, часто я беседовал
С болтуном страны Эллинския²⁵
И не смел осиплым голосом
С Шапеленом и с Рифматовым
Воспевать героев севера.
Несравненного Виргилия
Я читал и перечитывал,
Не стараясь подражать ему
В нежных чувствах и гармонии.
Разбирал я немца Клопштока
И не мог понять премудрого!
Не хотел я воспевать, как он;
Я хочу, чтоб меня поняли
Все от мала до великого.
За Мильтоном и Камоэнсом
Опасался я без крил парить;
Не дерзал в стихах бессмысленных
Херувимов жарить пушками,
С сатаною обитать в раю,
Иль святую богородицу
Вместе славить с Афродитою.
Не бывал я греховодником!
Но вчера, в архивах рояся,
Отыскал я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Катехизис остроумия,
Словом: Жанну Орлеанскую
Прочитал, – и в восхищении
Про Бову пою царевича.

О Вольтер! о муж единственный!
Ты, которого во Франции
Почитали богом неким,
В Риме дьяволом, антихристом
Обезьяною в Саксонии!
Ты, который на Радищева
Кинул было взор с улыбкою,
Будь теперь моею Музою!
Петь я тоже вознамерился,
Но сравниюсь ли с Радищевым?

²⁵ С болтуном, страны Эллинския — Гомером.

Не запомню, сколько лет спустя
После рождества Спасителя,
Царь Дадон со славой царствовал
В Светомире, сильном городе.
Царь Дадон венец со скипетром
Не прямой достал дорогою,
Но убив царя законного,
Бендокира *Слабоумного*.
(Так бывало верноподданны
Величали королей своих,
Если короли беспечные,
Не в постеле и не ночью
Почивали с камергерами).
Царь Дадон не Слабоумного
Был достоин злого прозвища,
Но тирана неусыпного,
Хотя, впрочем, не имел его.
Лень мне все его достоинства
И пороки вам показывать:
Вы слышали, люди добрые,
О царе, что двадцать целых лет
Не снимал с себя оружия,
Не слезал с коня ретивого,
Всюду пролетал с победою,
Мир крещеный потопил в крови,
Не щадил и некрещеного,
И в ничтожество низверженный
Александром, грозным ангелом,
Жизнь проводит в унижении
И, забытый всеми, кличется
Ныне Эльбы императором: —
Вот таков-то был и царь Дадон.

Раз, собрав бородачей совет
(Безбородых не любил Дадон),
На престоле пригорюнившись,
Произнес он им такую речь:
«Вы, которые советами
Облегчили тяжесть скипетра
Уладили участь царскую
(Не горька она была ему),
Мудрые друзья, сподвижники!
К вам прибегнуть я решаюся:
Что мне делать ныне? – Слушайте».

Все привстали, важно хмурясь,
Низко, низко поклонились
И, подправляя ус и бороду,
Сели на скамьи дубовые.

«Вам известно, – продолжал Дадон, —
Что искусством и неправдою
Я достиг престола шаткого
Бендокира Слабоумного,
Сочетался с Милитрисою,
Милой женой Бендокировой,
И в темницу посадил Бову,
Принца крови, сына царского.
Легче, легче захватить было
Слабоумного златой венец,
Чем, надев венец на голову,
За собою удержать его.
Вот уже народ бессмысленный,
Ходя в праздники по улицам,
Меж собой не раз говаривал:
Дай бог помочь королевичу.

Ведь Бова уже не маленькой,
Не в отца своей головушкой,
Нужды нет, что за решеткою,
Он опасен моим замыслам.
Что мне делать с ним? скажите мне,

Не оставить ли в тюрьме его?»

Всё собрание призадумалось,
Все в молчаньи потупили взор.
То-то, право, золотой совет!
Не болтали здесь, а думали:
Арзамор, муж старый, опытный,
Рот открыл было (советовать
Знать хотелось поседелому),
Громко крякнул, но одумался
И в молчаньи закусил язык.
Ко лбу перст приставя тщательно,
Лекарь славный, Эскулапа внук,
Эзельдорф, обритый шваб, зевал,
Табакеркою поскрыпывал,
Но молчал, – своей премудрости
Он пред всеми не показывал.
Вихромах, Полкан с Дубынею,
Стража трона, славны рыцари,
Все сидели, будто вкопаны.
Громобурь, известный силою,
Но умом непроницательный,
Думал, думал и нечаянно
Задремал... и захрапел в углу.
Что примера лучше действует?

Что людьми сильней ворочает?
Вот зевнули под перчаткою
Храбрый Мирозор с Ивашкою,
И Полкан, и Арзамор седой...
И ко груди преклонились
Тихо головами буйными...
Глядь, с Дадонем задремал совет...
Захрапели много-мыслящи!

Долго спать было советникам,
Если б немцу не пришлось из рук
Табакерку на пол выронить.
Табакерка покатила
И о шпору вдруг ударила
Громобуря, крепко спавшего,
Загремела, раздвоилась,
Отлетела в разны стороны...
Храбрый воин пробуждается,
Озирает всё собрание...
Между тем табак рассыпался,
К носу рыцаря подымлется,
И чихнул герой с досадою,
Так что своды потрясаются,
Окны все дрожат и сыплются,
И на петлях двери хлопают...
Пробуждается собрание!

«Что тут думать, – закричал герой: —
Царь! Бова тебе не надобен,
Ну, и к чорту королевича!
Решено: ему в живых не быть.
После, братцы, вы рассудите,
Как с ним надобно разделаться».
Тем и кончил: храбры воины
Речи любят лаконически.
«Ладно! мы тебя послушаем, —
Царь промолвил, потянувшись, —
Завтра, други, мы увидимся.
А теперь ступайте все домой».

Оплошал Дадон отсрочкою.
Не твердил он верно в азбуке:

*Не откладывай до завтраго,
Что сегодня можешь выполнить.*
Разошлись все придворные.
Ночь меж тем уже сгушалась,
Царь Дадон в постелю царскую
Вместе с милой лег супругою,

С несравненной Милитрисой,
Но спиной оборотился к ней:
В эту ночь его величеству
Не играть, а спать хотелось.

Милитрисина служаночка,
Зоя, молодая девица,
Ангел станом, взором, личиком,
Белой ручкой, нежной ножкою,
С госпожи сняв платье шелково,
Юбку, чепчик, ленты, кружева,
Всё под ключ в комоде спрятала
И пошла тихонько в девичью.
Там она сама разделася,
Подняла с трудом окошечко
И легла в постель пуховую,
Ожидая друга милого,
Светозара, пажа царского:
К темной ночи обещался он
Из окна прыгнуть к ней в комнату.
Ждет, пождет девица красная:
Нет, как нет всё друга милого.
Чу! бьет полночь – что же Зоинька?
Видит – входят к ней в окошечко...
Кто же? друг ли сердца нежного?
Нет! совсем не то, читатели!
Видит тень иль призрак старого
Венценосца, с длинной шапкою,
В балахоне вместо мантии,
Опоясанный мочалкою,
Вид невинный, взор навывкате
Рот разинут, зубы скалятся,
Уши длинные, ослиные
Над плечами громко хлопают;
Зоя видит и со трепетом
Узнает она, читатели,
Бендокира Слабоумного.

Трепетна, смятенья полная.
Стала на колени Зоинька,
Съединила ручку с ручкою,
Потупила очи ясные
Прочитала скорым шопотом
То, что ввек не мог я выучить:
Отче наш и *Богородице*,
И тихохонько промолвила:
«Что я вижу? Боже! Господи...
О Никола! Савва мученик!
Осените беззащитную.

Ты ли это, царь наш батюшка?
Отчего, скажи, оставил ты
Ныне царствие небесное?»

Глупым смехом осветившись,
Тень рекла прекрасной Зоиньке:
«Зоя, Зоя, не страшись, мой свет,
Не пугать тебя мне хочется,
Не на то сюда явился я
С того света привидением. —
Весело пугать живых людей,
Но могу ли веселиться я,
Естьли сына Бендокирова,
Милого Бову царевича,
На костре изжарят завтра же?»

Бедный царь заплакал жалобно.
Больно стало доброй девушке.
«Чем могу, скажи, помочь тебе.
Я во всем тебе покорствую». —
«Вот что хочется мне, Зоинька!
Из темницы сына выручи,
И сама в жилище мрачное
Сядь на место королевича,
Пострадай ты за невинного.
Поклонюсь тебе низехонько
И скажу: спасибо, Зоинька!»

Зоинька тут призадумалась:
За *спасибо* в темну яму сесть!
Это жестко ей казалось.
Но, имея чувства нежные,
Зоя втайне согласилась
На такое предложение.

Так, ты прав, оракул Франции,
Говоря, что жены, слабые
Против стрел Эроса юного,
Все имеют душу добрую,
Сердце нежно непитворное.
«Но скажи, о царь возлюбленный!
Зоя молвила покойнику: —
Как могу (ну, посуди ты сам)
Пронестись в темницу мрачную,
Где горюет твой любезный сын?
Пятьдесят отборных воинов
Днем и ночью стерегут его.
Мне ли, слабой робкой женщине,
Обмануть их очи зоркие?»

«Будь покойна, случай найдется,
Поклянись лишь только милая,
Не отвергнуть сего случая,
Если сам тебе представится».
«Я клянусь!» – сказала девица.
Вмиг исчезло привидение,
Из окошка быстро вылетев
Воздыхая тихо Зоинька
Опустила тут окошечко
И в постеле успокоившись
Скоро, скоро сном забылася.

К Батюшкову

Философ резвый и пиит,
Парнасский счастливый ленивец,
Харит изнеженный любимец,
Наперсник милых Аонид,
Почто на арфе златострунной
Умолкнул, радости певец?
Ужель и ты, мечтатель юный,
Расстался с Фебом наконец?

Уже с венком из роз душистых.
Меж кудрей вьющихся, златых,
Под тенью тополов ветвистых,
В кругу красавиц молодых,
Здравным не стучишь фиалом,
Любовь и Вакха не поешь,
Довольный счастливым началом.
Цветов Парнасских вновь не рвешь;
Не слышен наш Парни Российской²⁶!..
Пой, юноша – Певец Тиисской²⁷
В тебя влиял свой нежный дух.
С тобою твой прелестный друг,
Лилета, красных дней отрада:
Певцу любви любовь награда.
Настрой же лиру. По струнам
Летай игривыми перстами,
Как вешний Зефир по цветам,
И сладострастными стихами,
И тихим шепотом любви
Лилету в свой шалаш зови.
И звезд ночных при бледном свете,
Плывущих в дальней вышине,
В уединенном кабинете,
Волшебной внемля тишине,
Слезами счастья грудь прекрасной,
Счастливец милый, орошай;
Но, упоен любовью страстной,
И нежных муз не забывай;
Любви нет боле счастья в мире:
Люби – и пой ее на лире.

Когда ж к тебе в досужный час

²⁶ *Парни российский*. – Именем французского лирического поэта Пушкин называет Батюшкова.

²⁷ *Певец Тиисский* – Анакреон (ок. 570—478 г. до н. э.), крупнейший греческий лирик, воспевавший радости жизни, любовь и вино. Он был родом из Тииса (Теоса) в Ионии.

Друзья, знакомые сберутся,
И вины пенные польются,
От плена с треском свободясь:
Описывай в стихах игривых
Веселье, шум гостей болтливых
Вокруг накрытого стола,
Стакан, кипящий пеной белой,
И стук блестящего стекла.
И гости дружно стих веселый,
Бокал в бокал ударя в лад,
Нестройным хором повторяют.

Поэт! В твоей предметы воле,
Во звучны струны смело грянь,
С Жуковским пой кроваву брань
И грозну смерть на ратном поле.
И ты в строях ее встречал,
И ты, постигнутый судьбою,
Как Росс, питомцем славы пал!
Ты пал, и хладною косою
Едва скошенный не увял!..²⁸

Иль, вдохновенный Ювеналом.
Вооружись сатиры жалом,
Подчас прими ее свисток,
Рази, осмеивай порок,
Шутя, показывай смешное
И, естли можно, нас исправь.
Но Тредьяковского оставь
В столь часто рушимом покое.
Увы! довольно без него
Найдем бессмысленных поэтов,
Довольно в мире есть предметов,
Пера достойных твоего!

Но что!.. цевницею моею,
Безвестный в мире сем поэт,
Я песни продолжать не смею.
Прости – но помни мой совет:
Доколе музами любимый,
Ты Пиэрид горишь огнем,
Доколь, сражен стрелой незримой,
В подземный ты не снидешь дом,
Мирские забывай печали,
Играй: тебя молодой Назон,
Эрот и Грации венчали.
А лиру строил Аполлон.

²⁸ Кому неизвестны Воспоминания на 1807 год?

Эпиграмма (Подражание французскому)

Супругою твоей я так пленился,
Что естли б три в удел достались мне,
Подобные во всем твоей жене,
То даром двух я б отдал сатане
Чтоб третью лишь принять он согласился.

К Н. Г. Ломоносову

И ты, любезный друг, оставил
Надежду пристань тишины,
Челнок свой весело направил
По влаге бурной глубины:
Судьба на руль уже склонилась,
Спокойно светят небеса,
Ладья крылатая пустилась —
Расправит *счастье* паруса.
Дай бог, чтоб грозной непогоды
Вблизи ты ужас не видал,
Чтоб бурный вихорь не вздувал
Пред челноком шумящи воды!
Дай бог, под вечер к берегам
Тебе пристать благополучно
И отдохнуть спокойно там
С *любовью, дружбой* неразлучно!
Нет! ты не можешь их забыть!
Но что! Не скоро, может быть,
Увижусь я, мой друг, с тобою
Укромной хаты в тишине;
За чашей пунша круговую
Подчас вспомнишь обо мне:
Когда ж пойду на новоселье
(Заснуть ведь общий всем удел),
Скажи: «дай бог ему веселье!
Он в жизни хоть любить умел».

На Рыбушкина

Бывало, прежних лет герой,
Окончив славну брань с противной стороной,
Повесит меч войны средь отческа кущи:
А трагик наш Бурун, скончав чернильный бой,
Повесил уши.

Воспоминания в Царском Селе

Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почили дол и рощи,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышет ветерок, уснувший на листьях,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в серебристых облаках.

Плывет – и бледными лучами
Предметы осветила вкруг.
Алеи древних лип открылись пред очами,
Проглянули и холм и луг;
Здесь, вижу, с тополom сплелась молодая ива
И отразилась в кристале зыбких вод;
Царицей средь полей лился горделива
В роскошной красоте цветет.

С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плещутся наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги²⁹,
На своды опершись, несутся к облакам.
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы Россской³⁰ храм?

Не се ль Элизиум Полнощный³¹,
Прекрасный Царскосельской сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?
Увы! промчались те времена златые,
Когда под скипетром великия жены³²
Венчалась славою счастливая Россия,
Цветя под кровом тишины!

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет;
Возрев вокруг себя, со вздохом Росс вещает:

²⁹ *Огромные чертоги* – «Камеронова галерея» близ Екатерининского дворца в Царском Селе.

³⁰ *Минерва* – итальянская богиня мудрости. *Минерва росская* – Екатерина II.

³¹ *Элизиум* – по верованиям древних греков, место пребывания душ усопших, в поэтическом словоупотреблении – рай. *Полнощный* – северный.

³² То есть в эпоху царствования Екатерины II.

«Исчезло всё, Великой нет!»
И в думу углублен, над злачными берегами
Сидит в безмолвии, склоняя ветрам слух.
Протекшие лета мелькают пред очами,
И в тихом восхищеньи дух.

Он видит, окружен волнами,
Над твердой, мшистою скалой³³
Вознесся памятник. Ширияся крылами.
Над ним сидит орел молодой.
И цепи тяжкие, и стрелы громовые
Вкруг грозного столпа трикраты обвилились;
Кругом подножия, шумя, валы седые
В блестящей пене улеглись.

В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой³⁴.
О, сколь он для тебя, Кагульской брег, поносен!
И славен родине драгой!
Бессмертны вы вовек, о Росски исполины,
В боях воспитанны средь бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.

О громкий век военных споров,
Свидетель славы Россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные Славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страхась дивился мир;
Державин и Петров³⁵ героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

И ты промчался, незабвенный!
И вскоре новый век узрел
И брани новые, и ужасы военны;
Страдать – есть смертного удел.
Блеснул кровавый меч в неукротимой длани
Коварством, дерзостью венчанного царя;
Восстал вселенной бич³⁶ – и вскоре лютой брани
Зарделась грозная заря.

И быстрым понеслись потоком

³³ *Над... скалой вознесся памятник* – ростральная колонна посреди большого пруда, воздвигнутая Екатериной II в память морской победы над турками под Чесмою в 1770 г.

³⁴ *Памятник простой* – обелиск в память победы над турками при реке Кагуле в 1770 г., которую одержали русские войска под руководством гр. П. А. Румянцева.

³⁵ *Петров* Владимир [Василий. – И.П.] Петрович (1736—1799) – поэт-одописец.

³⁶ *Вселенной бич* – Наполеон.

Враги на русские поля.
Пред ними мрачна степь лежит во сне глубоком,
Дымится кровию земля;
И селы мирные, и грады в мгле пылают,
И небо заревом оделось вокруг,
Леса дремучие бегущих укрывают,
И праздный в поле ржавит плуг.

Идут – их силе нет препоны,
Всё рушат, всё свергают в прах,
И тени бледные погибших чад Беллоны³⁷,
В воздушных соединясь полках,
В могилу мрачную нисходят непрерывно,
Иль бродят по лесам в безмолвии ночи...
Но клики раздались!.. идут в дали туманной! —
Звучат кольчуги и мечи!..

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад: летят на дерзновенных
Сердца их мщеньем возжены.
Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь Богатыря.
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
За веру, за царя.

Ретивы кони бранью пышут,
Усеян ратниками дол,
За строем строй течет, все местию, славой дышут,
Восторг во грудь их перешел.
Летят на грозный пир; мечам добычи ищут,
И се – пылает брань; на холмах гром гремит,
В сгущенном воздухе с мечами стрелы свищут,
И брызжет кровь на щит.

Сразились. – Русской – победитель!
И вспять бежит надменный Галл;
Но сильного в боях небесный Вседержитель
Лучем последним увенчал,
Не здесь его сразил воитель поседелый³⁸;
О Бородинские кровавые поля!
Не вы неистовству и гордости пределы!
Увы! на башнях Галл кремля!..

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет

³⁷ Беллона – в римской мифологии богиня войны.

³⁸ Воитель поседелый – М. И. Кутузов.

Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горестей и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и жизни;
Вотще лишь гневом дух пылал!..

Где ты, краса Москвы стоголавой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни;
Москва, сколь Русскому твой зрак унылый страшен!
Исчезли здания вельможей и царей,
Всё пламень истребил. Венцы затмились башен,
Чертоги пали богачей.

И там, где роскошь обитала
В сенистых рощах и садах,
Где мирт благоухал, и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах.
В часы безмолвные прекрасной, летней ночи
Веселье шумное туда не полетит,
Не блещут уж в огнях берега и светлы рощи:
Всё мертво, всё молчит.

Утешься, мать градов России,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготела днесь на их надменны выи
Десница мстящая Творца.
Взгляни: они бегут, озреться не дерзают,
Их кровь не престаёт в снегах реками течь;
Бегут – и в тьме ночной их глад и смерть сретают,

А с тыла гонит Россов меч.

О вы, которых трепетали
Европы сильны племена,
О Галлы хищные! и вы в могилы пали. —
О страх! о грозны времена!
Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны,
Презревший правды глас и веру, и закон,

В гордыне возмечтав мечем низвергнуть троны?
Исчез, как утром страшный сон!

В Париже Росс! – где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я зрю? Герой с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.

Еще военный гром грохочет в отдаленьи,
Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
А он – несет врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле.

Достойный внук Екатерины!
Почто небесных Аонид,
Как наших дней певец, славянской Бард дружины,
Мой дух восторгом не горит?
О, есть ли б Аполлон пиитов дар чудесный
Влиял мне ныне в грудь! Тобою восхищен,
На лире б возгремел гармонией небесной
И воссиял во тьме времен.

О скальд России³⁹ вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй,
В кругу друзей твоих, с душой воспламененной,
Взгреми на арфе золотой!
Да снова стройный глас Герою в честь прольется,
И струны трепетны посыплют огонь в сердца,
И Ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного Певца.

³⁹ *Скальд России* – А. Жуковский, автор стихотворения «Певец во стане русских воинов» (1812).

Романс

Под вечер, осенью ненастной,
В далеких дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
Всё было тихо – лес и горы,
Всё спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом.

И на невинное творенье,
Вздохнув, остановила их...
«Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь горестей моих —
Откроешь очи и тоскуя
Ко груди не прильнешь моей,
Не встретишь завтра поцелуя
Несчастной матери твоей.

Ее манить напрасно будешь!..
Стыд вечный мне вина моя —
Меня навеки ты забудешь;
Тебя не позабуду я;
Дадут покров тебе чужие
И скажут: «Ты для нас чужой!» —
Ты спросишь: «Где ж мои родные?»
И не найдешь семьи родной.

Мой ангел будет грустной думой
Томиться меж других детей! —
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;
Повсюду странник одинокой,
Предел неправедный кляня,
Услышит он упрек жестокой...
Прости, прости тогда меня...

Быть может, сирота унылый.
Узнаешь, обоймешь отца.
Увы! где он, предатель милый,
Мой незабвенный до конца? —
Утешь тогда страдальца муки,
Скажи «ее на свете нет —
Лаура не снесла разлуки
И бросила пустынный свет». —

Но что сказала я?... быть может,
Виновную ты встретишь мать —
Твой скорбный взор меня встревожит!
Возможно ль сына не узнать?
Ах, если б рок неумолимый
Моею тронулся мольбой...
Но, может быть, пройдешь ты мимо —
Навек рассталась я с тобой.

Ты спишь — позволь себя, несчастный,
К груди прижать в последний раз.
Закон несправедливый, ужасный
К страданью присуждает нас.
Пока лета не отогнали
Беспечной радости твоей —
Спи, милый! горькие печали
Не тронут детства тихих дней!»

Но вдруг за рощей осветила
Вблизи ей хижину луна...
С волненьем сына ухватила
И к ней приблизилась она;
Склонилась, тихо положила
Младенца на порог чужой,
Со страхом очи отвратила
И скрылась в темноте ночной.

Леда (Кантата)

Средь темной рощицы, под тенью лип душистых,
В высоком тростнике, где частым жемчугом
Вздувалась пена вод серебристых,
Колеблясь тихим ветерком,
Покров красавицы стыдливой,
Небрежно кинутый, у берега лежал,
И прелести ее поток волной игривой
С весельем орошал.

Житель рощи торопливый,
Будь же скромн, о ручей!
Тише, струйки говорливы!
Изменить страшитесь ей!

Леда робостью трепещет,
Тихо дышет снежна грудь,
Ни волна вокруг не плещет,
Ни зефир не смеет дуть.

В роще шорох утихает,
Всё в прелестной тишине:
Нимфа далее ступает,
Робкой вверившись волне.

Но что-то меж кустов прибрежных восшумело,
И чувство робости прекрасной овладело;
Невольнo вздрогнула, не в силах воздохнуть.
И вот пернатых царь из-под склоненной ивы,
Расправя крылья горделивы,
К красавице плывет – веселья полна грудь;
С шумящей пеною отважно волны гонит,
Крылами воздух бьет,
То в кольца шею вьет,
То гордую главу смирясь пред Ледой клонит.
Леда смеется.
Вдруг раздается
Радости клик.
Вид сладострастный!
К Леде прекрасной
Лебедь приник.
Слышно стенанье,
Снова молчанье.
Нимфа лесов
С негою сладкой

Видит украдкой
Тайну богов.

Опомнясь наконец красавица младая
Открыла тихий взор, в томленьях воздыхая,
И что ж увидела? – На ложе из цветог.
Она покоится в объятиях Зевеса;
Меж ними юная любовь, —
И пала таинства прелестного завеса.

Сим примером научитесь,
Розы, девы красоты;
Летним вечером страшитесь
В темной рощице воды:

В темной рощице таится
Часто пламенный Эрот;
С холодной струйкою катится,
Стрелы прячет в пене вод.

Сим примером научитесь,
Розы, девы красоты;
Летним вечером страшитесь
В темной рощице воды.

Stances

Avez-vous vu la tendre rose,
L'aimable fille d'un beau jour,

Quand au printemps à peine éclore,
Elle est l'image de l'amour?

Telle à nos yeux, plus belle encore.

Parut Eudoxie aujourd'hui;
Plus d'un printemps la vit éclore,
Charmante et jeune comme lui.
Mais, hélas! les vents, les tempêtes,
Ces fougueux enfants de l'Hiver.
Bientôt vont gronder sur nos têtes,
Enchaîner l'eau, la terre et l'air.
Et plus de fleurs, et plus de rose!
L'aimable fille des amours
Tombe fanée, à peine éclore;
Il a fui, le temps des beaux jours!
Eudoxie! aimez, le temps presse;
Profitez de vos jours heureux!
Est-ce dans la froide vieillesse
Que de l'amour on sent les feux?⁴⁰

⁴⁰ **Стансы** Видали ль вы нежную розу, Любезную дочь ясного дня, Когда весной, едва расцветши, Она являет образ любви? Такою глазам нашим, еще прекраснее, Ныне явилась Евдокия; Не раз видела весна, как она расцветала, Прелестная и юная, подобная ей самой. Но увы! ветры и бури, Эти лютые дети зимы, Скоро заревут над нашими головами, Окуют воду, землю и воздух. И нет более цветов, и нет более розы! Любезная дочь любви, Завянув, падает, едва расцветшая: Миновала пора ясных дней! Евдокия! любите! Время не терпит: Пользуйтесь вашими счастливыми днями! В холодной ли старости Дано нам ведать пыл любви? (франц.)

Mon portrait

Vous' me demandez mon portrait,
Mais peint d'après nature;
Mon cher, il sera bientôt fait,
Quoique en miniature.
Je suis un jeune polisson,
Encore dans les classes;

Point sot, je le dis sans façon

Et sans fades grimaces.
Onc il ne fut de babillard,
Ni docteur en Sorbonne —
Plus ennuyeux et plus braillard.
Que moi-même en personne.

Ma taille àcelles des plus longs

Ne peut être égalée;
J'ai le teint frais, les chevenz blonds
Et le tête bouclée.
J'aime et le monde et son fracas,
Je hais la solitude;
J'abhorre et noises, et débats,
Et tant soit peu l'étude.
Spectacles, bals me plaisent fort
Et d'après ma pensée,
Je dirais ce que j'aime encor...
Si n'étais au Lycée.
Après
celà, mon cher ami,
L'on peut me reconnaotre:

Oui! tel que le bon dieu me fit,

Je veux toujours paraotre.

Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie.

Ma foi, voilà Pouchkine⁴¹.

⁴¹ **Мой портрет** Вы просите у меня мой портрет, Но написанный с натуры; Мой милый, он быстро будет готов, Хотя и в миниатюре. Я молодой повеса, Еще на школьной скамье: Не глуп, говорю не стеснясь, И без жеманного кривлянья. Никогда не было болтуна, Ни доктора Сорбонны — Надоедливее и крикливее, Чем собственная моя особа. Мой рост с ростом самых долговязых Не может равняться; У меня свежий цвет лица, русые волосы И кудрявая голова. Я люблю свет и

его шум, Уединение я ненавижу; Мне претят ссоры и препирательства, А отчасти и учение. Спектакли, балы мне очень нравятся, И если быть откровенным, Я сказал бы, что я еще люблю... Если бы не был в Лицее. По всему этому, мой милый друг, Меня можно узнать. Да, таким, как бог меня создал, Я и хочу всегда казаться. Сущий бес в проказах, Сущая обезьяна лицом, Много, слишком много ветренности — Да, таков Пушкин (франц.).

Стихотворения 1815 г.

Городок (К * * *)

Прости мне, милый друг,
Двухлетнее молчанье:
Писать тебе посланье
Мне было недосуг.
На тройке пренесенный
Из родины смиренной
В великой град Петра,
От утра до утра
Два года всё кружился
Без дела в хлопотах,
Зевая, веселился
В театре, на пирах,
Не ведал я покоя,
Увы! ни на часок,
Как будто у налож
В великой четверток
Измученный дьячок.
Но слава, слава богу!
На ровную дорогу
Я выехал теперь;
Уж вытолкал за дверь
Заботы и печали,
Которые играли,
Стыжусь, столь долго мной;
И в тишине святой
Философом ленивым,
От шума вдалеке,
Живу я в городке,
Безвестностью счастливом.
Я нанял светлый дом
С диваном, с камельком;
Три комнатки простые —
В них злата, бронзы нет,
И ткани выписные
Не кроют их паркет.
Окошки в сад веселый,
Где липы престарелы
С черемухой цветут;
Где мне в часы полдневны
Березок своды темны

Прохладу сень дают;
Где ландыш белоснежный
Сплелся с фиалкой нежной,
И быстрый ручеек,
В струях неся цветок,
Невидимый для взора,
Лепечет у забора.
Здесь добрый твой поэт
Живет благополучно;
Не ходит в модный свет:
На улице карет
Не слышит стук докучный:
Здесь грома вовсе нет:
Лишь изредка телега
Скрыпит по мостовой,
Иль путник, в домик мой
Пришед искать ночлега,
Дорожною клюкой
В калитку постучится...

Блажен, кто веселится
В покое, без забот,
С кем втайне Феб дружится
И маленький Эрот;
Блажен, кто на просторе
В укромном уголке
Не думает о горе,
Гуляет в колпаке,
Пьет, ест, когда захочет,
О госте не хлопочет!
Никто, никто ему
Лениться одному
В постеле не мешает;
Захочет – Аонид
Толпу к себе сзывает;
Захочет – сладко спит,
На *Рифмова* склоняясь
И тихо забываясь.
Так я, мой милый друг,
Теперь расположился;
С толпой бесстыдных слуг
Навеки распростился;
Укрывшись в кабинет,
Один я не скучаю
И часто целый свет
С восторгом забываю.
Друзья мне – мертвецы,
Парнасские жрецы;
Над полкою простою

Под тонкою тафтою
Со мной они живут.
Певцы красноречивы,
Прозаики шутливы
В порядке стали тут.
Сын Мома и Минервы,
Фернейский злой крикун,
Поэт в поэтах первый,
Ты здесь, седой шалун!
Он Фебом был воспитан,
Издетства стал пиит:
Всех больше перечитан,
Всех менее томит;
Соперник Эврипида,
Эраты нежной друг,
Арьоста, Тасса внук —
Скажу ль?... отец Кандида —
Он всё; везде велик
Единственный старик!
На полке за Вольтером
Виргилий, Тасс с Гомером
Все вместе предстоят.
В час утренний досуга
Я часто друг от друга
Люблю их отрывать.
Питомцы юных Граций —
С Державиным потом
Чувствительный Гораций
Является вдвоем.
И ты, певец любезный,
Поэзией прелестной
Сердца привлекий в плен,
Ты здесь, лентяй беспечный,
Мудрец простосердечный,
Ванюша Лафонтен!
Ты здесь – и Дмитрев нежный,
Твой вымысел любя,
Нашел приют надежный
С Крыловым близ тебя. —
Но вот наперсник милый
Психеи златокрылой!
О добрый Лафонтен,
С тобой он смел сразиться...
Коль можешь ты дивиться,
Дивись: ты побежден!
Воспитанны Амуром
Вержье, Парни с Грекуром
Укрылись в уголок.
(Не раз они выходят

И сон от глаз отводят
Под зимний вечерок).
Здесь Озеров с Расином,
Руссо и Карамзин,
С Мольером-исполином
Фон-Визин и Княжнин.
За ними, хмурясь важно,
Их грозный Аристарх
Является отважно
В шестнадцати томах.
Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа видеть вкус,
Но часто, признаюсь,
Над ним я время трачу.

Кладбище обрели
На самой нижней полки
Все школьнически толки,
Лежащие в пыли,
Визгова сочиненья,
Глупона псалмопенья,
Известные творенья
Увы! одним мышам.
Мир вечный и забвенье
И прозе и стихам!
Но ими огражденну
(Ты должен это знать)
Я спрятал потаенну
Сафьянную тетрадь.
Сей свиток драгоценный,
Веками сбереженный,
От члена русских сил,
Двоюродного брата,
Драгунского солдата
Я даром получил.
Ты, кажется, в сомненьи...
Нетрудно отгадать;
Так, это сочиненьи,
Презревшие печать.
Хвала вам, чады славы,
Враги Парнасских уз!
О князь, наперсник Муз,
Люблю твои забавы;
Люблю твой колкий стих
В посланиях твоих,
В сатире – знанье света
И слога чистоту,
И в резвости куплета
Игриву остроту.

И ты, насмешник смелый,
В ней место получил,
Чей в аде свист веселый
Поэтов раздражил,
Как в юношески леты
В волнах туманной Леты
Их гуртом потопил;
И ты, замысловатый
Буянова певец,
В картинах толь богатый
И вкуса образец;
И ты, шутник бесценный,
Который Мельпомены
Котурны и кинжал
Игровой Тальи дал!
Чья кисть мне нарисует,
Чья кисть скомпанирует
Такой оригинал!
Тут вижу я с *Чернавкой*
Подщипа слезы льет;
Здесь Князь дрожит под лавкой,
Там дремлет весь совет;
В трагическом смятеньи
Плененные цари,
Забыв войну, сраженьи,
Играют в кубари...
Но назову ль детину,
Что доброю порой
Тетради половину
Наполнил лишь собой!
О ты, высот Парнасса
Боярин небольшой,
Но пылкого Пегаса
Наездник удалой!
Намаранные оды,
Убранство чердаков,
Гласят из рода в роды:
Велик, велик – Свистов!
Твой дар ценить умею,
Хоть право не знаток;
Но здесь тебе не смею
Хвалы сплетать венок:
Свистовским должно слогом
Свистова воспевать;
Но, убирайся с богом,
Как ты, в том клясться рад,
Не стану я писать.

О вы, в моей пустыне

Любимые творцы!
Займите же отныне
Беспечности часы.
Мой друг! весь день я с ними,
То в думу углублен,
То мыслями своими
В Элизий пренесен.
Когда же на закате
Последний луч зари
Потонет в ярком злате,
И светлые цари
Смеркающейся ночи
Плывут по небесам,
И тихо дремлют рощи,
И шорох по лесам,
Мой гений невидимкой
Летает надо мной;
И я в тиши ночной
Сливаю голос свой
С пастушьею волынкой.
Ах! счастлив, счастлив тот,
Кто лиру в дар от Феба
Во цвете дней возьмет!
Как смелый житель неба,
Он к солнцу воспарит,
Превыше смертных станет,
И слава громко грянет:
«Бессмертен ввек пиит!»

Но ею мне ль гордиться,
Но мне ль бессмертьем льститься?...
До слез я спорить рад,
Не бьюсь лишь об заклад,
Как знать, и мне, быть может,
Печать свою наложит
Небесный Аполлон;
Сияя горним светом,
Бестрепетным полетом
Взлечу на Геликон.
Не весь я предан тленью;
С моей, быть может, тенью
Полунощной порой
Сын Феба молодой,
Мой правнук просвещенный,
Беседовать придет
И мною вдохновенный
На лире воздохнет.

Покаместь, друг бесценный,

Камином освещенный,
Сижусь я под окном
С бумагой и с пером,
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я ныне вдохновен.
Мой друг, я счастлив ею.
Почто ж ее сестрой,
Любовию молодой
Напрасно пламенею?
Иль юности златой
Вотще даны мне розы,
И лить навеки слезы
В юдоле, где расцвел
Мой горестный удел?...
Певца сопутник милый,
Мечтанье легкокрыло!
О, будь же ты со мной,
Дай руку сладострастью
И с чашей круговой
Веди меня ко счастью
Забвения тропой:
И в час безмолвной ночи,
Когда ленивый мак
Покроет томны очи,
На ветреных крылах
Примчись в мой домик тесный,
Тихонько постучись,
И в тишине прелестной
С любимцем обнимись!
Мечта! в волшебной сени
Мне милую яви,
Мой свет, мой добрый гений,
Предмет моей любви,
И блеск очей небесный,
Лиющих огонь в сердца,
И Граций стан прелестный
И снег ее лица;
Представь, что, на коленях
Покоюсь у меня,
В порывистых томленьях
Склонилась она
Ко груди грудью страстной,
Устами на устах,
Горит лицо прекрасной,
И слезы на глазах!..
Почто стрелой незримой
Уже летишь ты вдаль?
Обманет – и пропал

Беглец невозвратимый!
Не слышит плач и стон
И где крылатый сон?
Исчезнет обольститель,
И в сердце грусть-мучитель.

Но всё ли, милый друг,
Быть счастья в упоеньи?
И в грусти томный дух
Находит наслажденье:
Люблю я в летний день
Бродить один с тоскою,
Встречать вечерню тень
Над тихою рекою
И с сладостной слезою
В даль сумрачну смотреть;
Люблю с моим Мароном
Под ясным небосклоном
Близь озера сидеть,
Где лебедь белоснежный,
Оставя знак прибрежный,
Любви и неги полн,
С подругою своею,
Закинув гордо шею,
Плывет во злате волн.
Или, для развлечения,
Оставя книг ученье,
В досужный мне часок
У добренькой старушки
Душистый пью чаек,
Не подхожу я к ручке,
Не шаркаю пред ней;
Она не приседает,
Но тотчас и вестей
Мне пропасть наболтает.
Газеты собирает
Со всех она сторон,
Всё сведает, узнает:
Кто умер, кто влюблен,
Кого жена по моде
Рогами убрала,
В котором огороде
Капуста цвет дала,
Фома свою хозяйку
Не за что наказал,
Антошка балалайку
Играя разломал. —
Старушка всё расскажет;
Меж тем как юбку вяжет,

Болтает всё свое;
А я сию смиренно
В мечтаньях углубленный,
Не слушая ее.
На рифмы удалого
Так некогда *Свистова*
В столице я внимал.
Когда свои творенья
Он с жаром мне читал,
Ах! видно, бог пытал
Тогда мое терпенье!

Иль добрый мой сосед,
Семидесяти лет,
Уволенный от службы
Майором отставным,
Зовет меня из дружбы
Хлеб-соль откусать с ним.
Вечернею пирушкой
Старик, развеселясь,
За дедовскою кружкой
В прошедшем углубясь,
С Очаковской медалью
На раненой груди,
Вспомнит ту баталью,
Где роты впереди
Летел на встречу славы,
Но встретился с ядром
И пал на дол кровавый
С булатным палахом.
Всегда я рад душою
С ним время провождать,
Но, боже, виноват!
Я каюсь пред тобою,
Служителей твоих,
Попов я городских
Боюсь, боюсь беседы
И свадебны обеды
Затем лишь не терплю,
Что сельских иереев,
Как папа иудеев,
Я вовсе не люблю,
А с ними крючковатый
Подьяческий народ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплот.

Но, друг мой, естли вскоре
Увижусь я с тобой,

То мы уходим горе
За чашей круговой;
Тогда, клянусь богами,
(И слово уж сдержу)
Я с сельскими попами
Молебен отслужу.

Вода и вино

Люблю я в полдень воспаленный
Прохладу черпать из ручья
И в роще тихой, отдаленной
Смотреть, как плещет в брег струя.
Когда ж вино в края поскачет,
Напелясь в чаше круговой,
Друзья, скажите, – кто не плачет,
Заране радуясь душой?

Да будет проклят дерзновенный,
Кто первый грешною рукой,
Нечестьем буйным ослепленный,
О страх!.. смешал вино с водой!
Да будет проклят род злодея!
Пусть не в силах будет пить,
Или, стаканами владея,
Лафит с Цымлянским различить!

Измены

«Всё миновалось!
Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья!
В мраке забвенья
Скрылися вы.
Так я премены
Сладость вкусил:
Гордой Елены
Цепи забыл.
Сердце, ты в воле!
Всё позабуди;
В новой сей доле
Счастливо будь.
Только весною
Зефир младою
Розой пленен;
В юности страстной
Был я прекрасной
В сеть увлечен.
Нет, я не буду
Впредь воздыхать,
Страсть позабуду;
Полно страдать!
Скоро печали
Встречу конец.
Ах! для тебя ли,
Юный певец,
Прелесть Елены
Розой цветет?..
Пусть весь народ,
Ею прельщенный,
Вслед за мечтой
Мчится толпой;
В мирном жилище,
На пепелище,
В чаше простой
Стану в смиреньи
Черпать забвенье
И – для друзей
Резвой рукою
Двигать струною
Арфы моей».

В скучной разлуке

Так я мечтал,
В горести, в муке
Себя услаждал;
В сердце возженный
Образ Елены
Мнил истребить.
Прошлой весною
Юную Хлою
Вздумал любить.
Как ветерочек
Ранней порой
Гонит листочек
С резвой волной,
Так непрестанно
Непостоянный
Страстью играл,
Лилу, Темиру,
Всех обожал,
Сердце и лиру
Всем посвящал. —
Что же? – напрасно
С груди прекрасной
Шаль я срывал.
Тщетны измены!
Образ Елены
В сердце пылал!
Ах! возвратися,
Радость очей,
Хладна, тронися
Грустью моей. —
Тщетно вызывает
Бедный певец!
Нет! не встречает
Мукам конец...
Так! до могилы
Грустен, унылый,
Крова ищи!
Всеми забытый,
Терном увитый
Цепи влачи.....

К Лицинию (с латинского)

Лициний, зришь ли ты? на быстрой колеснице,
Увенчан лаврами, в блестящей багрянице,
Спесиво развалясь, Ветулий молодой
В толпу народную летит по мостовой.
Смотри, как все пред ним усердно спину клонят,
Как ликторов полки народ несчастный гонят.
Льстецов, сенаторов, прелестниц длинный ряд
С покорностью ему умильный мешут взгляд,
Ждут в тайном трепете улыбку, глаз движенья,
Как будто дивного богов благословенья:
И дети малые, и старцы с сединой
Стремятся все за ним и взором и душой,
И даже след колес, в грязи напечатленный,
Как некий памятник им кажется священный.

О Ромулов народ! пред кем ты пал во прах?
Пред кем восчувствовал в душе столь низкой страх?
Квириты гордые под иго преклонились!..
Кому ж, о небеса! кому поработились?..
Скажу ль – Ветулию! – Отчизне стыд моей,
Развратный юноша воссел в совет мужей,
Любимец деспота Сенатом слабым правит,
На Рим простер ярем, отечество бесславит.
Ветулий, римлян царь!.. О срам! о времена!
Или вселенная на гибель предана?

Но кто под портиком, с руками за спиною,
В изорванном плаще и с нищенской клюкою,
Поникнув головой, нахмурившись идет?
Не ошибаюсь я, философ то Дамет.
«Дамет! куда, скажи, в одежде столь убогой
Средь Рима пышного бредешь своей дорогой?»

«Куда? не знаю сам. Пустыни я ищу.
Среди разврата жить уж боле не хочу;
Япетовых детей пороки, злобу вижу,
Навек оставлю Рим: я людства ненавижу».

Лициний, добрый друг! не лучше ли и нам,
Отдав поклон мечте, Фортуне, суетам,
Седого стойка примером научиться?
Не лучше ль поскорей со градом распроститься,
Где всё на откупе: законы, правота,
И жены, и мужья, и честь, и красота?

Пускай Глицерия, красавица молодая,
Равно всем общая, как чаша круговая,
Других неопытных в любовну ловит сеть;
Нам стыдно слабости с морщинами иметь.
Летит от старика любовь в толпе веселий.
Пускай бесстыдный Клит, вельможей раб Корнелий,
Оставля ложе сна с запевшим петухом,
От знатных к богачам бегут из дома в дом;
Я сердцем римлянин, кипит в груди свобода,
Во мне не дремлет дух великого народа.
Лициний, поспешим далеко от забот,
Безумных гордецов, обманчивых красот,
Докучных риторов, Парнасских Геростратов;
В деревню пренесем отеческих пенатов;
В тенистой рощице, на берегу морском
Найти нетрудно нам красивый, светлый дом,
Где. больше не страшась народного волненья,
Под старость отдохнем в тиши уединенья,
И там, расположась в уютном уголке,
При дубе пламенном, возженном в камельке,
Вспомнив старину за дедовским фиялом,
Свой дух воспламеню Петроном, Ювеналом,
В гремющей сатире порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.

О Рим! о гордый край разврата, злодеянья,
Придет ужасный день – день мщенья, наказания;
Предвижу грозного величия конец,
Падет, падет во прах вселенныя венец!
Народы дикие, сыны свирепой брани.
Войны ужасной меч прияв в кровавы длани,
И горы, и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящею рекой.
Исчезнет Рим: его покроет мрак глубокой;
И путник, обратив на груды камней око,
Речет задумавшись, в мечтаньях углублен:
«Свободой Рим возрос – а рабством погублен».

Батюшкову

В пещерах Геликона
Я некогда рожден;
Во имя Аполлона
Тибуллом окрещен,
И светлой Иппокреной
С издетства напоенный
Под кровом вешних роз,
Поэтом я возрос.

Веселый сын Эрмия
Ребенка полюбил,
В дни резвости златые
Мне дудку подарил.
Знакомясь с нею рано,
Дудил я непрестанно:
Нескладно хоть играл,
Но Музам не скучал.

А ты, певец забавы
И друг Пермесских дев,
Ты хочешь, чтобы, славы
Стезю полетев,
Простясь с Анакреоном,
Спешил я за Мароном
И пел при звуках лир
Войны кровавый пир.

Дано мне мало Фебом:
Охота, скудный дар.
Пою под чуждым небом,
Вдали домашних Лар,
И, с дерзостным Икаром
Страшась летать не даром,
Бреду своим путем:
Будь всякой при своем.

Наполеон на Эльбе (1815)

Вечерняя заря в пучине догорала,
Над мрачной Эльбою носилась тишина,
Сквозь тучи бледные тихонько пробегала
Туманная луна:
Уже на западе седой, одетый мглою,
С равниной синих вод сливался небосклон.
Один во тьме ночной над дикою скалою
Сидел Наполеон.
В уме губителя теснились мрачны думы,
Он новую в мечтах Европе цепь ковал

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.